

ной репрезентации многомерной реальности. Человеческое познание, не ограничиваясь НКМ, устремлено к «многотрудным высотам» — преодолением сциентизированной НКМ (такой была, как мы помним, и ККМ) гуманитарной картиной мира (ГКМ), тесно объединенной с господствующей ныне постнеклассикой — таким взглядом на «шевелиющийся хаос» (Ф.И. Тютчев (1803–1873)), соответствующему фокусом картины мироздания непременно становится современный человек в его личностной, т.е. творчески насыщенной, завершенности. Поскольку это так, «стусеивается» прежний факт науки: им «вызревается» уникальная поступочность (как норма «прогона» подлинно человеческого в нас). Специально его не рассматривая, мы вместе с тем отмечаем: гуманитарно-научный факт сцепляет «личностным спектром» складывающуюся ГКМ. И присутствие в ней субъекта характеризует ее в качестве постнеклассической. Постнеклассическая картина мира (ПНКМ) — это такое (при опоре на натурфилософию) развертывание теоретико-научных положений, используя которые мы добиваемся тесных связей между ПНКМ и объективной реальностью с одновременным процессом отъединения «объективной реальности» от необъективируемого «мира, каков он есть на самом деле». Это ликвидирует в нашем сознании «остаточно-затаившиеся» следы «антропоморфной самоидентификации» (т.е. того, что так или иначе понуждает нас к признанию некоей вещи в себе — она же пресловутый

«мир, каков он есть на самом деле»), и становится возможным увидеть мир «объективным взглядом умного субъекта»: «глазами человека моего поколения» (К.М. Симонов (1915–1979)). Приобщаясь к ПНКМ, мы расстаемся с заблуждением о том, что теоретическое обеспечение упомянутой «вещи в себе» — это «усмотрение» «мира, каков он есть на самом деле». Взамен этого мы организовываем названный теоретический конструкт — обуславливаемую современной натурфилософией ПНКМ, оперируя которым выстраиваем духовно-практический «тандем» философия–наука: он позволяет нам по-деловому объединить «остраненный» («словечко» литературоведа В.Б. Шкловского (1893–1984), сродни «отчуждению») объект и творчески насыщенный субъект, вследствие чего аксиологический статус «мира, каков он есть на самом деле», снижается до «нулевого звучания».

ПНКМ как высшая ценность познания. С созданием базирующейся на гуманитарно-научном факте ПНКМ ценностью познания прежде всего становится отнюдь не антропоморфизированное (как это наблюдается в рамках мифосознания) усвоение «безмерной дали», а приурочивание к человеку и социуму (в выстраиваемом ими «помещении ноосферы») обдающего их «жарким своим дыханием» всепоглощающего «виртуала» (парящего «земнообозримостью» и «трансцендентным беспределом»).

Н.В. МАЛЬЧУКОВА

кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного университета

ВОЗМОЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СИНТЕЗА В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Язык является структурно сложным и многообразным по своим функциональным проявлениям и возможностям феноменом. Именно поэтому с древности до современности в философии и языковедении разработано множество теоретических реконструкций языка, но, несмотря на это, воспроизведение его сущностных сторон в их взаимосвязи продолжает оставаться серьезной и перспектив-

ной теоретической и философско-методологической задачей. Различные аспекты ее решения имеют большое значение для сферы лингвистической практики.

С философской точки зрения значимым представляется вопрос о том, как в разнообразных теориях языка осмыслена функциональность субъекта — мера его оправданной волевой и интеллектуальной свободы в

сфере языка. В истории философии принято считать, что древнегреческой философии не свойственно понятие субъекта и она является принципиально бессубъектной¹. Такая аттестация в общем и целом для уровня философского дискурса остается верной, но надо признать, что по отношению к ряду конкретных духовных явлений (языковым факторам в искусстве, логическом анализе) она недостаточна. Если обратить внимание на кардинальные попытки осмысления феномена языка как в сфере данности, так и в реализации, начиная с древней философии и заканчивая XIX в., то можно отметить, что для всего этого периода свойственны отдельные, особо проявляющиеся элементы субъектности. Это подтверждает такая антитеза: Платон считает полисемию несовершенством языка, а задачей практики — избавление от полисемии и введение в однозначное отношение имен и идей. А уже Аристотель, в общем не отрицающий негативный характер явлений полисемии, в то же время в своей «Метафизике» использует полисемию как фактор выявления инвариантных значений и формирования содержания категорий (философских) «природа», «необходимость» и др.² Это говорит о том, что элементы субъектности присутствовали уже тогда по отношению к довольно общим проблемам (сущности языка, условности в искусстве, природе движения атомов), хотя, как было уже сказано, они проявлялись ограниченно. Есть основания констатировать, что если бы их не было тогда, то вряд ли в будущем могли возникнуть новые теоретические воззрения по поводу языка.

Сказанное позволяет с полным основанием принять термины «субъектный фактор» в языке, «субъектность осмысления языка» для обозначения именно полноты, а в пределе — универсальности, интеллектуальной и действительной, творческой представленности субъекта в языке взамен терминов «субъективность языка», «субъективный фактор» в языке, которые несут стилистически признаки несовершенства — отступление от сущностных характеристик языка, искажение их и т.п. Необходимо отметить, что взгляд на роль субъекта в языке, отраженный в данных терминах, сформировавшись еще в античности, оставался приоритетным в философии и теории языка весьма долгое время, однако начиная с середины XIX в. он уступает место другому взгляду. Со-

гласно ему естественный, словесный язык, являясь результатом творческой активности человека, представляет собой особый, универсально субъективный мир, который вне взаимодействия субъектов не существует. В этом мире внешняя, объективная по отношению к человеку реальность не зеркально воспроизводится, а своеобразно интерпретируется в соответствии с тем значением, которое она имеет в жизнедеятельности человека, в соответствии с тем, какую оценку получает в результате нее. Очевидно, что с этих позиций языковая деятельность субъекта не может рассматриваться как приводящая к отступлению от сущностных характеристик языка, искажению их. Таким образом, при анализе теорий языка, который совершенно необходим для понимания механизма его функционирования и повышения эффективности этого функционирования, следует иметь в виду исторически сложившиеся типы субъектности.

Итак, субъектность исторически первого типа, которую можно назвать классической, успешно реализовала себя практически с древности и до XX в. Ее философскими основаниями стали субстанционализм и атомизм в общих воззрениях на язык, следствием чего явилась именная теория языка: язык как инвентарь словесных единиц — словарь с соответствующими определенными значениями, которые следует уточнять, избегая полисемии и неопределенности, и применять в соответствии с правилами грамматики. При этом интересно то, что само появление данной теории стало возможным все же именно благодаря осознанию конструктивной роли человека в языковой деятельности. Именная, или знаковая, теория языка отстаивает представление, утверждающее конвенциональную, договорную природу слова как звукового комплекса, замещающего собой тот или иной объект действительности, признавая тем самым, что язык есть результат творческой активности субъекта. Однако в то же время данная теория, особенно подчеркивая замещающую функцию слова-знака, ограничивает, не признает свободу субъекта в области производства смысла, стремясь к однозначности слов и выражений, к уничтожению явления полисемии, которая с этих позиций и приводит к искажению отраженной в языке объективной действительности. Данные взгляды являются результатом понимания языка как некоей субстанции, представляющей собой совокупность находящихся-

ся в четко структурированных отношениях слов-атомов, имеющей заданные, четко определенные границы, за которые человек не может и не должен выходить.

Подобная теоретическая ориентация имеет положительное значение. Как в прошлом, так и теперь она составляет теоретическую основу процессов формализации и разработки программного обеспечения компьютерных систем. Кроме того, без нее не обойтись в науке о языке. Здесь она становится базой синхронно-аналитического выделения элементов структуры языка и последовательного их изучения. Но в целом ряде процессов — обучении языку, анализе словесно-эстетической практики, постоянном функционировании языка — такая ориентация малооправдана. Многослойность, постоянно меняющаяся «энергетика» (функциональность) остаются крайним образом усеченными. Такую теоретическую ориентацию поэтому вполне допустимо считать реконструктивной.

Та теоретическая традиция, которую предварительно можно назвать универсально-конструктивной, ведет свое начало с философии языка В. Гумбольдта. Именно в его философии обретает право гражданства идея о представленности мира в языке посредством субъекта (национального и индивидуального) и обратной зависимости субъекта от языковой картины мира. Обе стороны этой зависимости, можно считать, получили впоследствии разное освещение (от теорий лингвистической отнесенности и манипулирования субъектом со стороны языка до произвола субъекта в сфере языка), и по настоящий день между ними не найдена гармония. Но важно другое. Представление о картине мира, которую носитель культуры — субъект — конструирует в языке, и представление о возможности выхода за очерчиваемые ею границы (межнациональное общение) становится возможным благодаря новой философской основе — осознанию безграничности (универсальности) языка, раз он одновременно соотнесен с многообразием проявлений и изменений субъекта и миром, которому потенциально соразмерен. Язык как код должен быть признан более устойчивым, но именно для того, чтобы обеспечить оправданность конструкции. Конструкция же должна главенствовать. Вот почему новую ориентацию мы называем универсально-конструктивной. Возникают языковые теории с явным акцентированием конструкции

(герменевтика — Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, теория языковых игр — Л. Витгенштейн (поздний период) и его ученики и последователи — П. Стросон, Дж. Серль, Д. Вандервекен и др.). В герменевтике это тезис о постоянной интерпретации текстов, границы которых, как правило, всегда относительны. В теории игр — представление о неопределенностно-вероятностных вариантах языковых конструкций, тем не менее обеспечивающих понимаемость сообщений и эффективность практического общения. Даже поздние структурально ориентированные теории, пропагандирующие деконструктивизм в форме метафизики принципа «в языке есть все», неявно подразумевают бесконечность возможностей конструкции, хотя в то же время отдают субъекта во власть чистой случайности и оставляют конструкцию за самим языком³.

Однако, оставив в стороне крайности, мы можем сказать, что сама по себе контрарность упомянутых теоретических традиций оправдана, так как ведет к диалектизации представлений о языке. Она указывает на возможность поиска посредствующих форм совмещенного (дополнительного) описания языка и его применений.

Развивающаяся субъектность по отношению к языку и в языке привела на сегодняшний день к широкой и разнообразной практике в сфере языковой деятельности, результаты которой не всегда должны и могут быть оценены как положительные. Так, наличие различных молодежных сленгов, хотя и является своеобразной защитной реакцией на бессодержательность и стертость массово употребляемого языка СМИ, но само свидетельствует об отказе от содержательной и развернутой речи, а нередко — о своеобразном речевом параличе. Если такого рода эффекты соединить с потребностью быстрого и качественного овладения иностранным языком в процессе получения молодежью образования, то нетрудно понять, что урезанная и искаженная лингвистическая практика в сфере родного языка приведет к еще более плачевному результату в усвоении иностранного. Качественная лингвистическая способность имеет универсальную природу, и теоретико-философское воспроизведение этой универсальности, как и путей, ведущих к ее достижению, является одной из актуальных и насущных задач. Решение же данной задачи непременно предполагает обращение к таким кон-

цепциям философии языка, в которых реализована исторически переменная субъектность описанных ранее типов: слабо выраженная субъектность в теориях до XIX в., философской базой которых явились субстанционализм и «атомистическая» ориентация, что и обусловило в основном реконструктивную лингвистическую практику (задача обеспечения однозначности и истинности имен, аналитическое логическое моделирование); рефлексивная субъектность, проявившаяся в теориях лингвистической относительности, структурных теориях, постмодерне, практическим выводом которой стала конструктивная позиция субъекта в области языка.

Эти типы субъектности и вместе с тем основные лингвистические традиции в области философии и теории языка образуют полярные формы, взаимодополнение и взаимодействие между которыми призвано осуществить взаимодополнение как имеющихся, так и вновь разрабатываемых концепций сущности языка и его функционирования.

Указанные заключения позволяют более богато и органично воспроизвести сущностные основания лингвистического процесса в его историческом развитии, полнее понять нужды современной лингвистической практики, где не должны властвовать попеременно то произвол субъекта в сфере языка, то подавленность его ориентации в сфере лингвистических возможностей. Здесь должны срабатывать принципы гармоничности, обеспечивая в социуме и в развитии отдельной личности максимальный эффект. То есть процесс овладения языком, развитие языковой способности человеком должны быть организованы таким образом, чтобы последний получил возможность наиболее полно как самовыражаться в языке, так и понимать других в процессах общения. Развитая способность человека понимать себя и других посредством языка, понимать своеобразие его функционирования в зависимости от сферы применения, будь то наука, искусство или повседневная жизнь, позволит человеку снизить риск появления конфликтных ситуаций, различного рода заблуждений, которые могут оказаться роковыми не только в жизни отдельного человека, но и человечества в целом.

В связи с этим приобретает особое значение вывод, согласно которому необходимо совмещение как в теории, так и на практике первой и второй философско-языковых тради-

ций при преимущественном значении той или другой из них в разных формах и на разных этапах лингвистической деятельности. Если основными сферами такой деятельности считать последовательное движение от усвоения родного языка (базы интеллектуализации личности) к профессиональному образованию и общекультурной подготовке, а затем к теоретической разработке проблем лингвистики и поэтики и логико-лингвистическому моделированию, то совершенно ясно, что вряд ли возможна какая-то отдельная обобщающая лингвистическая теория, одинаково хорошо обеспечивающая эти сферы. Однако важен сам принцип синтетичности, который, учитывая дополнительную различность теорий, «включает» в действие те или ту из них, которая наибольшим образом соответствует выполняемой задаче. Говоря иными словами, синтетический подход должен быть одновременно коллекторным. В нашем случае теоретическая коллекторность должна обеспечить в каждой сфере применения языка теоретически оптимальную сочетаемость концептов, объясняющих языковые закономерности этой сферы и обеспечивающих эффективные методики.

Так, в самой теоретической лингвистике действуют та и другая из упомянутых теоретических традиций, но в соответствии с разделами науки о языке преимущественным становится то атомизм, то синкретизм. То же можно сказать и о других сферах. В частности, вряд ли будет эффективным продолжение с особой настойчивостью субстанционализма и атомизма при вузовском изучении иностранных языков (подходов, способных представить язык в качестве системы, которая существует сама по себе при пренебрежении общекультурным фоном и связанными с ним оригинальными синтаксическими моделями). Если идти этим путем, то можно с уверенностью сказать, что качественная иноязычная лингвистическая практическая способность не будет выработана никогда.

Итак, выдвигаемый теоретический принцип предлагает такой синтез языковых теорий, основу которого составляет мысль о возможности обоснованного переключения на конкретные формы совмещения концепций, максимальным образом соответствующие решению специфических теоретических и практических задач. Если исходить из этого, то целесообразным оказывается такое теоретическое представление о языке, которое интегрирует

разные научные модели языка, полученные на базе исторически разных типов субъектности, а также на разных уровнях теоретической и методологической общности.

В то же время ряд аспектов предлагаемого видения теоретических основ философии языка представляет собой базу для продолжения поиска. Прежде всего следует отметить такое направление работы, как выработка конкретной типологии лингвистических теорий по тому философскому основанию, которое ранее определено как тип субъектности. Несомненно, требуется и дальнейший анализ проблемы условий и оснований совмещения лингвистических концепций в качестве принципа выявления сущностных сторон языка и основы интеллектуального творчества.

В заключение отметим, что любая программа дополнительности лингвистических те-

орий, разрабатываемая с учетом отмеченных философско-методологических оснований, окажется все же временной в связи с изменениями в сфере лингвистической практики, но именно своевременное осуществление ее способно активизировать обновление синтетической модели и вместе с тем обнаружить новые «горизонты» сущности языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М., 1980.

² Аристотель. Метафизика. М.; Л., 1934. С. 83.

³ С подробными характеристиками разнообразных лингвофилософских концепций можно познакомиться, в частности, по изданиям: Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975; Дегутис А. Язык, мышление, действительность. Вильнюс, 1984; Философия, логика, язык. М., 1987.